

Священник Сергей Крутлов

Про Н.,

Костю Иночкина

и Ностальжи

Приключения
в жизни будничной
и вечной

Сергий Круглов

**Про Н., Костю Иночкина и
Ностальжи. Приключения в
жизни будничной и вечной**

«Никея»

2021

УДК 84(2)6
ББК 82.7

Круглов С.

Про Н., Костю Иночкина и Ностальжи. Приключения в жизни
будничной и вечной / С. Круглов — «Никея», 2021

ISBN 978-5-907307-66-7

Проза поэта — нечто особенное: игра смыслов и слов плюс философские наблюдения и вкрапления настоящей поэзии. А если известный поэт еще и священник, склонный к юмору, то прибавим сюда размышления о Боге и забавные истории о любящих Его. Несколько рассказов «Про Н.» появилось в знаковом журнале «Новый мир», теперь выходит их полное собрание в сопровождении «Записей Н.» — хитроумных и детски простых заметок литературного героя на полях нашей нынешней христианской жизни.

УДК 84(2)6
ББК 82.7

ISBN 978-5-907307-66-7

© Круглов С., 2021
© Никея, 2021

Содержание

От автора	6
Про Н., Костю Иночкина и Ностальжи	8
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Священник Сергей Круглов
Про Н., Костю Иночкина и Ностальжи.
Приключения в жизни будничной и вечной

© Круглов С. Г., 2021

© ООО ТД «Никея», 2021

От автора

«Что есть человек, что Ты помнишь его?» – этот вопрос был обращен к Богу; мой же вопрос: «Кто такой Н.?» – попроще и обращен к себе самому. Однако отблеск великого вопроса Псалмопевца каким-то боком падает и на мой, неизбежно обнажая экзистенциальную проблему любого автора во все литературные времена: прежде чем ответить себе, кто таков твой персонаж, попробуй ответить, кто таков ты сам. Отвечаю я себе на этот вопрос уже довольно долго, примерно всю свою жизнь, и про окончательный ответ помалкиваю, потому что оно так еще и не нашел; однако есть и насущная злоба днєви сего: «Кто такой Н., откуда он взялся и почему стоит брать в руки эту книжку?» – неизбежно спросят читатели.

Проще всего рассказать, как именно возник Н. и эта книжка. Началось это все в фейсбуке. О социальных сетях интернета и о том, добро они или зло, много спорят, но ведь спорят в этом разрезе и вообще о мире, в котором мы живем. Зла, греха и туги в нем, увы, немало, но мы-то с вами, христиане, знаем, что мир, в сущности, прекрасен, потому что сотворен Богом, это только грехопадение покатило человечество, как глупого своевольного Колобка, по кривой дорожке. Еще мы знаем, что не уничтожить пришел Бог мир, став в нем Человеком, а спасти, и мы должны эту многообразную жизнь, в том числе и сетевую ее разновидность, не проклинать, а благословлять и исправлять тем, чтобы не умножать в ней зла, а делать добро, по примеру Христову; собственно, за это все неверы, циники и пессимисты мира сего до сих пор и почитают христиан ненормальными.

Итак, примерно пару лет назад в фейсбуке, личную страницу которого я считаю по старинке все-таки не СМИ и не трибуной, а чем-то вроде дневника, даваемого почитать всем желающим, начертал я запись-почеркушку, что-то вроде стихотворного наброска в прозе (опыт таких набросков имел и раньше). Начертал просто так, без цели, только по веянию «гласа хлада тонка» с той же стороны, с которой приходят к поэту стихи, то есть можно сказать – по безотчетному вдохновению. И вставил туда героя почеркушки, назвав его Н. (тут, видимо, сказался и землемер К. из кафковского «Замка», один из моих любимых литературных персонажей, и отголосок песни «Зоопарка» про уездный город Н., то есть отголосок веселой юности, в которой песня была слушана, и некая лень и нежелание придумывать для такой легковесной мелочи имя посолиднее и позначимее...). Получился такой наш современник, возраста несколько более чем среднего, то есть свою земную жизнь он уже довольно давно прошел до середины, очкастый филолог, горожанин, верующий воцерковленный христианин, но уже без неофитских розовых иллюзий, вечный студент, анахорет и маргинал, поэт – далее ряд определений можно продолжать, однако предоставляю всякому читателю самому для себя вычитать их из книжки. В чем-то, конечно, Н. взят мною из себя – но только в чем-то, отождествить себя с ним я не могу, да и не хочу (если снова касаться того, с чего я начал это вступление), прежде всего потому, что надобно дать ему некую свободу (что такое свобода и независимость персонажа от автора – разговор большой, скажу только, что она точно бывает). То, что я снабдил Н. свойством рефлексии, – вполне закономерно: других персонажей сочинять я и не умею, а то, что снабдил его добротой, умом, совестью и чувством юмора, – для меня было необходимо, ибо сам я этими прекрасными качествами обладаю далеко не всегда...

Почти сразу появились и друзья Н., имена их возникли из того же вдохновенного ниоткуда: очаровательная Ностальжи – в чем-то антагонист Н., не жена и не любовница, но старый друг (именно «друг» – слово «подруга» все же способно увлечь современного читателя в область амурно-гендерных коннотаций), Костя Иночкин (кто ж не любит героя прекрасного фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»!), скорее резонер, чем антагонист, вечный подбивальщик и заводила, простоватый и верный в своей дружбе. Появился и безымянный, но любимый всеми батюшка – мог ли я, священник, в своих рас-

сказках обойти веселые или одиозные церковные темы, важные для меня самого, и мог ли не взять для этого персонажа-сослужителя черты знакомых мне священников... Появились и многие другие, тем же вдохновенно-поэтическим путем и всяк своим чередом: кот Кузьма Скоробогатый, собака Собака, Коронавирус, дедужко майор Пронин, Смерть, Нила Титовна и многие другие.

Возвращаясь к вопросу о том, что это за книжка, каков ее жанр, зачем она читателю (а предполагается, что читатель – искушенный, умный, способный на иронию и, мало того, верующий)... Зачем – каждый уж решит сам, закрыв книжку и либо поставив на полку, чтоб не раз перечитывать на досуге, либо выбросив в мусорное ведро и пожалев о потраченном времени. Жанр же ее я бы определил как «заметки на полях», почеркушки-маргиналии. Пример такого жанра – и знаменитые почеркушки Пушкина на полях своих произведений, в которых трудно отличить беглый рисунок от правки строки, и очки-усы-сабли, которые мы пририсовывали к портретам классиков на страницах скучных учебников во время школьных уроков, и миниатюры, исполненные цветов, жонглеров и дивных зверушек, украшающие страницы средневековых рукописных фолиантов, расцвечивающие сухой компендиум богословских и научных трактатов, и наши вдохновенные пометы на полях жизненно важных для нас книг, в которых мы то спорим с автором, то восторженно соглашаемся, то развиваем обозначенную им мысль. Эти почеркушки – наш живой и неповторимый почерк на полях Книги Жизни, написанной для нас Творцом; как часто мы, перелистывая ее, пытаемся исправить и подчистить начертанное нами, а то и – со стыдом и раскаянием вырвать целые страницы, но, к счастью, никогда не успеваем в этом.

«К счастью», потому что, как сказал один поэт, «Бог сохраняет все». Он сохраняет эту пеструю будничную жизнь, жизнь Н., мою, твою, любого из нас – иногда со слезами, иногда с гневом, но всегда с любовью.

Про Н., Костю Иночкина и Ностальжи

* * *

Н. устроился на метеостанцию ощущателем.

Сутки через двое.

Работа такая: каждые четыре часа выбегать из балка метеостанции наружу, распахивать халат, запахивать, забегать обратно, писать в сводке: «–5, ощущается как –28».

Ночами Н. преследуют кошмары: что сотрудники четырех региональных отделений полиции преследуют его как эксгибициониста, замирают в кустах, роют норы и укывища, пищат рациями, хихикают, вытягивают черные тонкие рыла, нюхают воздух, зубами стучат...

Н. просыпается, как в той песне «Нау», в холодном поту.

Он стал сентиментален и раздумчив, при звенящем драгоценном старинном слове «ятра» на глазах его выступают слезы.

Он никогда не выходит наружу, если окрест есть дети, не из боязни той полиции или там по вычитанным убеждениям, а просто потому что Н. – он такой. (Он знает: каков бы ни был мороз на улице, эти дети все равно выбегут, схватят свои салазки и клюшки, заорут: «Сёдни не учимся!» – и помчат в своих сиреневых штанах с начесом, натянутых на валенки, замерзать и гореть в гибких, точных и мохнатых движениях игры.)

* * *

– Путешествие в прошлое? Это можно, – сказала Ностальжи, посмотрела снизу вверх, встала, открыла дверь и поманила Н. за собой.

«Слабым манием руки», – подумал начитанный обломками слов и словосцепок Н.

На крыше высотки свистел ветер, растяжки телеантенн постанывали, как муторно спящие арфы.

– Ну-ка... – Ностальжи подтянула вверх жемчужно-серую кримпленовую юбку, скатала с бесконечной нейлоновой ноги полоску чего-то умопомрачительно нежного, тугого и кружевного («подвязка», – вспомнил слово начитанный Н.), растянула пальцами это тугое на голове Н., как на скорняжной болванке, и ловко пристроила ему на глаза: не смотри, дескать, сюрприз.

Н. стоял и глупо улыбался, и слезы текли из-под подвязки, когда Ностальжи, не опуская узкой юбки, подняла нейлоновую ногу и сильно, точно, поступательно толкнула его в спину.

– Вам почувствовать пора бы, как вкусны и нежны крабы, – сказала она вслед.

* * *

27 января все российские СМИ, как всегда, поминали годовщину снятия блокады Ленинграда.

«Целая улица Санкт-Петербурга переделась в прошлое», – прочел Н. в новостях.

«Интересно, где это в Питере – улица Целая?...» – думал Н.

Прочих мыслей, которые были бы не обценны, он по данному поводу не имел.

* * *

Н. читал книгу про несколько Римов.

- У тебя какой Рим? – спросил он друга, тихо тупящего в смартфон в углу дивана.
 - У меня – третий Рим, – ответил Костя Иночкин.
 - А нужен – тридцать третий Рим!.. – назидательно продолжил Н.
- И оба хором, как в детстве, торжествующе воскликнули:
- У товарища Дынина весь Рим испорчен!..

* * *

- Ничего в вашей церкви не пойму... Безумие какое-то, – промолвил Костя Иночкин.
- И чего же ты не поймешь? – спросил Н., поморщившись (терзала его изжога).
- Люди, имеющие виллы и яхты, учат бюджетников, как не надо собирать сокровища на земле, монахи учат семейных, как детей рожать и воспитывать, двадцатилетние мальчики в рясах дают бабушкам старческие советы...

«Ой, отвяжись ты от меня, ради Бога, с одним-то и тем же все время!» – порывнулся было вскричать Н., но не вскричал: во-первых, знал, что произнесение слова «Бог» распалит друга распалением Цицероновым на много часов; во-вторых, столб жгучей кислоты в этот момент вскипел уже под самым горлом, перекрыл дыхание.

Ностальжи вздохнула, быстрыми мелкими клевками загасила сигарету в баночке из-под горошка, улыбнулась прозрачными крыжовенными глазами, потянулась как кошка – одними плечами, ткнула Костю локтем в бок:

- Да ладно тебе! Ведь это ты, Иночкин, сам во всем виноват.
- Как?! – залился Костя пунцовым, захлопал белесыми ресницами.
- А так. Ты начал фехтоваться на палках? И все стали фехтоваться на палках! – рассмеялась Ностальжи.

Костя поморгал, выдохнул, помотал головой, улыбнулся:

- Это точно! А кое-кто и через речку начал прыгать!
- Я ни при чем! Не скажу кто, но это был слоненок! – бодро через силу улыбнулся и Н., вытащил из шкафчика картонную коробочку с содой, нацелился в нее чайной ложкой.

Ностальжи встала из-за стола, мягко отобрала у него ложку:

- Сядь уже! Сто раз говорила: соду надо сначала кипятком гасить, дыру в желудке сделаешь...

И, как всегда, она была права.

* * *

В молодости Н. немало путешествовал по миру.

Бывая в Чехии, он всегда привозил своим друзьям, братьям Кржемелику и Вахмурке, какой-нибудь русский экзотический сувенир. Однажды он привез и вручил им книгу «Евгений Онегин».

- Что это? – спросили Кржемелик и Вахмурка.
- Это Пушкин, – сказал Н.
- А что это – Пушкин?
- Это наше все, – объяснил Н.

Братья, один из которых по воскресеньям был служкой в костеле, а другой толкал парням кислоту в местном ночном клубе, открыли книгу, прочли: «Облатка розовая сохнет на воспаленном языке» – и мечтательно задумались, каждый о своем.

* * *

Слушая (или читая, что не так важно) лекцию по современному искусству, Н. пометил на полях:

«Искусство как способ коммуникации: такие произведения, как „4’33”“ Кейджа или книга с пустыми страницами, с одной стороны, совершенно отданы реакции собеседника, а с другой стороны, совершенно им не интересуются».

* * *

Н. любил отмечать День переводчика. Подымая в этот день тост, он всегда поминал профессора К., который на первом курсе преподавал у них зарубежку. В келье К., стандартно забитой книгами, один стеллаж был специально выделен под плохие переводы; рядом со стеллажом на стене висел постер с покровителем плохих переводчиков изумрудным Мастером Йодой и надписью:

«Придумал, шли дождь что по улице и красногвардейца два, я». Н. любил, бывая у К. в гостях, простаивать у этого стеллажа и упоенно листать переводные образцы европейской псевдоумной прозы, а также в ярких обложках на нечистой бумаге томики американского хоррора, которые он затем, в течение лет, один за другим последовательно не узнавал в экранизациях.

* * *

Н. прочел:

На машинке, пером от руки —
Не бросайте писать дневники!
Не стирайте строки...

– На фиг, – деловито сказал Н., смял листок, поддел брезентовой верхонкой чугунную щеколду печной дверки, кинул листок в огонь.

Н. любил сжигать свои, как он называл, архивы. Бумаг было много, сжигать приходилось довольно часто. Когда друзья заставляли его за этим занятием, то неизменно говорили: «О, Гоголь жжет второй том „Мертвых душ“!..», а Н. неизменно отшучивался, что не Гоголь, а Мо-голь, потому что вот второй том все сжигаю и сжигаю, а первый так и не написал.

Неладно вкинутый в печь бумажный комочек выпал наружу. Н. подхватил его; на опаленном желтоватом проступало чернильное:

нас спасет, как пожатые руки

– Как молоды мы были! – нарочито громко вслух сказал Н.

Но внутри, как в доме без эха и теней, ничто не отозвалось в ответ.

* * *

Костя Иночкин обвел взглядом стены комнаты Н., уставленные стеллажами с книгами, и саркастически сказал:

– Из всех этих кирпичей ты мог бы еще один дом построить! Я, например, только электронной читалкой пользуюсь. Такое же количество книг и – всегда с собой.

– Для бумажной книги воплощение в электронном формате – жизнь загробная, – ответил Н.

* * *

– А помнишь, как у парней в школе высшим шиком был пластмассовый дипломат, украшенный наклейками гэдээровскими? – спросила Ностальжи. – Однажды я задумалась: кто

были эти костлявые конопатые красавицы, как именно их склоняли к фотографированию на наклейки, какова их судьба вообще... И как эти наклейки похожи на овальные кладбищенские фото...

– Помню, конечно! – сказал Н. – У меня был такой, с выдавленной надписью «КРАМАТОРСК». Где это, кстати – Краматорск?..

И оба задумались, как же велика она, родина.

* * *

Н. посмотрел на календарь, там была среда.

«Литературная», – хмыкнул про себя Н., вытащил с полки томик писем ван Шонховена, раскрыл и прочел:

«Посещая Берн, вынужден видаться с друзьями; о вы, адепты пера, приживалы муз, застывшие в избранных вами позах, прихотливых, непременных, прыщущих пышноречием, как фонтаны Гинга! В одних из вас – редких – подозреваю поэтов, другие пишут стихи, третьи держат себя поэтами; последние гаже всех».

С автором Н. совершенно был согласен.

* * *

«Что день грядущий мне готовит?» – с мутной тревогой подумал Н. и выглянул в окно. Тут же на заснеженный карниз уселся откуда ни возьмись взявшийся снегирь. Снегирь ободряюще подмигивал и отечески улыбался Н. через стекло, маршальский бюст его светился новой зарею.

Воспрявший духом Н. открыл ноутбук и написал другу в мессенджере сообщение про то, что ему только что был знак. Друг ответил, что у вас, у мракобесов, кругом знаки, а я убежденный антисемиот, хотя к семиотам отношусь хорошо, у меня даже есть друзья, изъясняющиеся знаками, на что Н. тут же и ответил целой строчкой смайликов.

* * *

Врач долго водил по Н. конвексным датчиком, потом вздохнул и сказал:

– Душа – потемки.

– В смысле, чужая?

– В смысле, любая. Своя особенно, – сказал врач и дал Н. салфетку, стереть гель.

* * *

Н. любил приходить в местный палеонтологический музей и читать на одной из витрин табличку с опечаткой: «ИЕРОДАКТИЛЬ». Вдоволь начитавшись, Н. мысленно к опечатке прикладывался, а уходя – кланялся.

* * *

Н. прочел:

«...в гостиных заторчал какой-то длинный, длинный, с простреленною рукою, такого высокого роста, какого и не видано было...»

Закрыв книгу, он написал в тетради:

«И стоит вековечно и колышется до дна осязаемая русская речь, черная, набочья, и гулко и тихо во все стороны света, только гортанно вскричит в сорном гнезде своем, в спутанных яворовых тенях, уставя рыло в луну, одинокий трещащий пичурушух, да вековечно погрывает своего стоунера¹ подагрический уездный филолог, вышедший на пенсию по выслуге, возлагая сего на бездонные старческие слезы свои, как четверо гридней на воды мерной реки – мертвого своего господина в лодье, возлагает и сымает назад, не в силах расстаться, – а близко ли утро, кто исповесть...»

* * *

– Ну, про это же писал ваш православный критик... И, на мой взгляд, неплохо писал, – сказал Костя Иночкин.

– Это какой? – спросил Н.

¹ Стоунер – разновидность гавальды)

– Петров-Боширов.

– Угу, угу... – иронически хмыкнул Н. и в пятый раз подлил кипятку в чайничек – субкультура потребления пуэра позволяла это.

– Что не так? – вскинулся Костя.

– Да нет, нет, ничего... Я помню этот цикл эссе: история там написания «Звездных войн», экскурсии в историю болезни Лукаса, «Электронный лабиринт», первые бабки, плач о Бакке Роджерсе... судьбоносный май семьдесят первого года... методическая травма детства...

– Травма детства из-за методизма! Ты нерусский? Или что, прикалываешься опять?

– Да-да!.. Ладно тебе!.. Так... что там... дочка Эльбрус...

– Эверест.

– Да?.. Ну да.

– Да. И главное: история падения Энакина Скайвокера, рассмотренная вполне в святоотеческом ключе: прорастание из ничтожества семени самостояния, потом сопромат и успех, искушение злоупотреблением плюс страсть любовного томления, потом – горе и гордыня, потом – закономерное превращение в Дарта Вейдера...

– Да-да... Ну, и в итоге наврал он там все.

– Кто?!

– Да твой православный критик, Петров-Боширов.

– Почему это?!

– Да потому что знаю я его. В нем смирения нету.

– Как это?!

– Да так. Если в критике смирения нету, он не любит то, о чем пишет, а просто – вдохновенно использует. А любит только свое мизерабельное «я». Пишет-пишет, да и не удержится от того, чтобы взбзднуть.

– Что сделать?..

– То. Русское народное слово. Семь согласных, одна гласная.

Костя Иночкин ошарашенно замолчал.

– Молчи-молчи, мой друг! Да пей чай лучше, критиков поминать чем! – ласково расплылся в морщинистой зеленой улыбке маленький головастый лупоглазый Н., дружелюбно пошевеливая огромными кожистыми щетинистыми ушами.

* * *

– Черный, но совершенно прозрачный, – сказал Н., следя за тонкой струйкой чая, из носика – в чашку.

Черный пуэр – он любит его больше всего.

И больше всего – за то, что вкус пуэра отдает дождевой деревянной водой из бочки, если схлебывать ее плоско, напололам с воздухом, и аккуратно, сверху, не взбаламучивая илистый осадок, не всасывая сор и мелкую белесую копошащуюся живность; деревянным дождем, дождливым деревом, острой сырой бочкой, в которую – разбухший сочно-серый деревянный дощатый углом водосток – кануло детство, да что детство – вся жизнь, какая была.

Дождем и длинным, наполненным, волглым, бесконечным от рассвета до сумерек днем.

– Все оттого, что мы забыли этот вкус. Вкус дождевой воды из бочки, – говорит Н. чайнику. Чайник мудро (все мнят, что чайники как-то исконно мудры, и в их присутствии невольно переключают регистры суеты) остывает и помалкивает.

– Мы забыли, – повторяет Н.

«Кто это – „мы“!..» – тут же усмехается он сам себе; это, в общем, не был вопрос, ведь отвечать-то все равно некому: дождя здесь не было уже лет тридцать или около того.

* * *

– Вот все-таки: вся эта грязь вашей современной церковной организации... – начал было Костя Иночкин.

– Погоди, – перебил его Н.

И, взяв за рукав, вывел в огород.

Там он подвел Костю к грядке с морковкой (пропалывалась она нечасто, потому молодая зеленая курчавль морковки была мало отличима от сорняков), выдернул парочку – млечных, полупрозрачных, в тонких волосках, одуряюще молодо пахнущих, как сны тринадцатилетней девочки, обтер морковинки о штаны, сунул другу одну.

– Хрумм!.. Класс какой!..

– То-то, – подтвердил Н. Потом тщательно отряхнул штанину: – Видишь?

– Вижу, – сказал Костя. – Ну и что?

– А ничего. Грязь, – ответил Н.

* * *

Н. раскрыл тетрадь и написал на чистой странице:

«Встреча с любимыми людьми – это одно, а любовь со встречаемыми людьми – совсем иное».

Перечитав, он вздохнул, закусил нижнюю губу и густо-густо заштриховал написанное. Но кое-что виднелось.

* * *

Наутро Н. варил кофе, а Ностальжи пошла за молоком.

Н. посмотрел в окно, как она возвращается, неся на отлете в авоське две влажные картонные вощеные пирамидки, и продекламировал:

А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С супрематическими выменами
охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит...

Сияющее серое, иззубренное, исподом беззвучно застлало свет, поползло и обрушилось за окном кухни.

«Сосули!!..» – мысленно заорал Н. и, теряя тапки, кинулся в прихожую; но блистатоочистая грозная Ностальжи уж входила, живая и невреждаемая, отряхивая со всей себя крошево льда, произнося при этом разное. Куртку и шарф она бросила в угол, направилась на кухню (а Н. всполошенно, мелко перебежал перед ней, пятясь задом, слегка кланяясь и разводя руками, как это делала бы некая старорежимная хозяйшкa, приглашая проходить в хату ой вы гой еси гостей дорогих), на кухне рухнула на табуретку, задрала ноги на батарею, отмахнула со лба мокрую прядь и, вытаскивая из пачки сигарету, саркастически оглядела Н. с ног до головы.

– Ннда... Культурная столица... Похоже, это ваше поколение дворников и сторожей окончательно потеряло друг друга в просторах бесконечной земли.

– Но дворники-то остались, – примирительно сказал Н. и стал отчищать от плиты убежавший кофе.

* * *

Сидя в очереди в поликлинике, Н. разгадывал в газете кинематографический кроссворд.

Он вспомнил, как в лихие 90-е к Косте Иночкину в общагу пришел их общий знакомый. У Кости над кроватью висел постер: Конан-Шварц сжимал красноукрашенный меч. Общий знакомый, мужик в годах, поглядел на постер светлыми опохмеленными глазами, указал на него пальцем и уверенно и бодро произнес:

– О, Гойко Митич! Уважаю!..

«Поколенчество!..» – подумал нынешний Н. и сосредоточился на кроссворде. Там было написано по вертикали: «Мать драконов».

– Р-И-П-Л-И... – уверенно занес карандаш Н.

Но количество букв не сходилось.

Да и очередь, в общем, не двигалась.

* * *

У них давно уж было заведено: ежевечерне, расположившись в продавленном гэдээровском кресле, Ностальжи (иногда сама пописывающая под псевдонимом «С. П. Арнок», но за употребление в беседе с ней слова «пописывающая» однажды, рече молва, вырвавшая собеседнику кадык, так трепетно относилась она к собственному словотворчеству) собирала исписанные Н. листки в пук («Взошел болван семинарист...» – вспоминал при этом Н.), перебирала, местами – внимательно прочитывала.

Вот и сегодня. Ностальжи гмыкала, водила ламинированными ногтями по листкам, Н. молчал и потел.

– А вот это, интересно, ты о ком?

– Что?..

– А ничего. Вот тут: «Ни одна принцесса не может всегда какать розами» —...а?

– Н-ну... Да, я понимаю!.. Чо я такой дерзкий... знаю ли кого на раёне... Хе-хе! шучу... Ну... Это, в общем... – так Н. поспешил заполнить неловкую паузу хоть какими-нибудь звуками.

А правильно ли он поступил – мы, конечно, никогда не узнаем.

* * *

Иногда среди недели к Н. заходил в гости знакомый батюшка («знакомый батюшка» – это, по слову Набокова, пленительный плеоназм, так как незнакомых батюшек у Н. вовсе не было).

Посвятив минуты три приятному и суетливому толканию в передней, взятию-даче благословения, принятию на руки батюшкиной китайской священнокуртки с затертой надписью на груди «Columiba» и помещению оной на косорогую вешалку и наконец-таки усевшись в кухне («в», да. Не одна только нянька-Украина знает вековую тугу про «в» или «на») вокруг свежезалитого кипятком заварника, отче духовное и чадо духовное приветствовали друг друга. В отличие от мнихов, говорящих друг другу при встрече: «Како спасаешься?», они пару последних лет говорили друг другу при встрече: «Что чтеши?»

– Ну давайте хором: последние откровения партии и правительства!.. – саркастически подначила их Ностальжи, вываливая в щербатую пиалку позапозапрошлогоднее яблочное варенье, слегка посверкивающее от засахаренности.

Батюшка и Н. согласно метнули в нее загнанный взгляд неодобрения.

– Да вот... Читаю Панчина, «Защиту от темных искусств»... До Карла Сагана, боюсь, дойду... – сказал Н. – А вы, отче?

– Блог Аллы Тучковой, – вымолвил батюшка и темно осел лицом, как сугроб в грязный март.

Ностальжи, та еще актриса, махнула рукой надо лбом, и словно бы выросли у нее над мутными всеприемлющими очами густые брови; и брежневским гласом произнесла:

– Дорогие... э-э... товарищи! У нас тут есть такие товарищи, которые нам... э-э... совсем не товарищи!

И все рассмеялись, а Ностальжи стала разливать чай.

* * *

«Фалеристика – коллекционирование орденов, медалей, значков, любых нагрудных знаков (в том числе почетных, юбилейных, ведомственных, об окончании учебных заведений и т. д.), а также наука, вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся изучением истории этих предметов, их систем и их атрибуцией», – прочитал Н. в Википедии.

– Наука. Атрибуцией... – ступорно повторил он.

Н. вспомнил себя в детстве и как он одно время собирал значки (собирал – это как?

...валялись ли они на тротуаре, смотри под ноги да собирай, дураки теряют знаки?... ходили ли красные девки за ними в лес с корзинками, агукающе оперно переключаясь, перебрасываясь вишенъем-малиною, напав на рясную поляну?... и такой на небе месяц... – этого Н., хоть убей, уже не мог вспомнить).

– Я любил, Господи, эти значки, Ты же знаешь! И я их собирал. У меня было три – три! – альбома, в каких-то клеенчатых обложках, со страницами из поролонa; и был лист чисто тупо поролонa, пришпиленный гвоздями на стену, и туда я втыкал – особенно, осторожно, боково, и такой тихенький скрррип – все эти значки; и самые тайно любимые думаешь какие были? Гербы городов?

– Да ну... – отвечал Господь, – что ж Я, не помню тебя в том возрасте... Переливные у тебя были. Хотя, в сущности, согласишься, это же дешевка...

– Согласен! – вскричал Н. – А тогда – это было... было... Таинство, говоря по-Твоему... (Господь хмыкнул и открыл было рот, чтоб что-то уточнить, но закрыл и не стал.) Так повернул – волк! А так – заяц! Так повернул – ну! А так – погоди! Так повернул – Ты близко! А так повернул – далеко! Так повернул – Ты Сальватор! А так – Пантократор! Так повернул – Ты милостив! А так – справедлив!..

– Мой ты золотой... – сказал Господь и прижал головушку Н. к Своей груди, стараясь не испачкать его сукровицей, продолжающей сочиться из межреберной дыры. – Мой ты хороший. Фалерист... дитяtko.

* * *

Однажды, когда Н. был дедушкой, Ностальжи, будучи бабушкой, пыталась отвлечь внука от шупа-шупсов и прочего ГМО и, достав что-то (по слову Линор Горалик) вогкое из холодильника, говорила внуку:

– Надо есть живые ягодки!

На это дедушка Н. моментально сказал, что именно что не надо, что живое есть нельзя, что живые ягодки боятся, болят и не хотят, а гуманно и правильно – есть мертвые ягодки.

Получив за совет по кумполу, Н. на время потерял ориентацию в пространстве и времени, но зато вспомнил, что означает слово «уполовник».

Впрочем, придя в себя, забыл снова: такова уж особенность рода человеческого.

* * *

В порядке очереди Н. подошел к большой торговой тетеньке, облаченной в жемчужно-белесый передник поверх псевдолилового квазипуховика, занимающей собою весь проем окошечка.

– Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! – хрипло, на тонах слегка повышенных, сообщила торговая тетенька.

– А какую вы жизнь принимаете? – уточнил Н.

– Обратную, используемую вторично! И чтоб была она: чистой изнутри и снаружи и сухой; не имела чтоб сколов; была бы без этикеток и клея; а равно – разложенной по ящикам!

– Вот так-то, – сказал Н. рыжей худой собаке Собаке, которая вторую неделю жила близ его подъезда на крышке канализационного люка, а Н. время от времени выносил ей поесть, за что Собака всякий раз благодарно виляла облезлым хвостом, нюхала и лизала Н. пальцы, улыбалась ртом и принимала деловой вид, суетливо лая на видящихся ей посторонними. – Вот в чем и разница меж человеком и собакой: собака принимает жизнь всякую и без всяких условий.

И собака Собака соглашалась с ним целиком и полностью.

* * *

Н. любил всех животных, не только котов и собак. Любил (умеренно) даже и комаров. Слушая в ночи надрывно зундящего над ухом комара, Н. думал о том, что кровососущий есть не кто иной, как «крово-со-сущий» – существующий вместе с человеком брат по крови.

* * *

Н. перелистнул страницу и прочел:

«– Что это промелькнуло у нас за спиной?! – воскликнул Мумитроль.

– Это оно прошло, – сказал Снусмумрик и вытащил из рюкзака флейту.

– Что прошло?..

– Само.

– А!.. – облегченно вздохнул Мумитроль. – Ну и славно!

Они помолчали, шурясь в весенний закат.

А потом Мумитроль снова спросил:

– Как ты думаешь, почему всегда так бывает: вот оно прошло, само, и стало так хорошо и легко – но мы скоро про это забудем, а если прошла, например, Морра, то будет страшно и холодно, и мы zapomним это надолго?

– Не знаю... – пожал плечами Снусмумрик. – Так уж всегда бывает у вас тут, в Мумидоле.

– У нас?.. А там, ну, где ты был зимой... там... так не бывает?

– Пожалуй, бывает и там... – задумчиво сказал Снусмумрик, но тут же тряхнул головой, улыбнулся одними глазами: да ну! давай-ка лучше сыграем? – и приложил флейту к губам».

– Все. Конец главы, – сказал Н., но Ностальжи уже спала и не слышала его. Н. потрогал ей лоб: он был мокрый, но жар, похоже, уже спал. И Н. захлопнул книгу.

* * *

– Дурак ты, – сказал дедужко майор Пронин. – И шутки у тебя дурацкие.

– Позвольте... – сказал Н.

– Не позволю! – застучал майор магической сухой костью. – Мы пытались не допустить позора! Четырнадцать снайперов пытались сбить Мишку Олимпийского над Воробьевыми горами! Четырнадцать! Лещенко, Анциферова, прием, вызывайте подкрепление! Чтоб на трибунах становилось тише! Чтоб восстановить баланс сил! Чтоб всем, слышишь ты, сопляк, – ВСЕМ возвратиться в свой сказочный лес!..

– Уваф! уваф! – сказала на это удочеренная собака Собака и, подъяв ввысь уши, заелозила по подстилке задом.

– Будем песню беречь! До свиданья, до новых встреч!.. – торопливо в прихожей говорил Н. провожаемому превысившему градус дедужке майору Пронину, пугливо оглядываясь через

плечо – не проснулась ли Ностальжи, а то она после вечерней смены, и если что, мало никому не покажется.

* * *

– Батюшка, как вы понимаете, что такое «коллективная ответственность»? – спросил Н.

– А чего тут понимать, – не задумавшись ни на мгновение, ответил батюшка. – У нас в церкви коллективная ответственность наглядно видна. Это когда грешат одни попы, а отдуваются за них другие.

– Почему?..

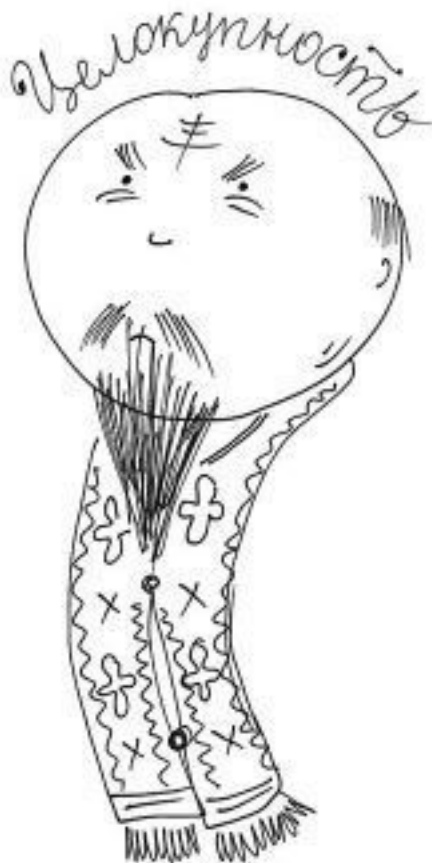
– Потому что – целокупность. Ну, это такие особенности жанра. Поп в проповеди с амвона, обобщая, говорит народу Божию: «все мы», а народ Божий, приходя к попу в ночи и зареве пожаров с вилами и тоже обобщая, говорит ему: «все вы».

– А-а... – протянул Н., выказывая как бы понимание. – Целокупность...

Ночью ему приснилась целокупность. Она шумно отдувалась и была, как в умозрениях Оригена про апокатастасис, шарообразной формы, в епитрахили и с бородой.

* * *

Пришед в гости к батюшке, Н. обнаружил, что тот завел себе красноухую черепашку, посадил ее в тазик с водой и кормил тараканами.

– На газоне нашел. Их нередко выбрасывают, когда обнаруживают, что они кусачие, – сказал батюшка. – Лежала на спине, лапками шевелила...

– Померла бы?

– А то... Сама-то перевернуться не может. Падшесть, понимаешь, она такая... Правда, Ван Цюи писал, что не таковы, одни из всех, нефритовые черепахи: они приучаются выживать в перевернутом мире, и одна лишь нефритовая черепаха может, вопреки природе, стать приемной матерью-кормилицей киноварного цилиндра...

– Типа Церковь?

– Типа. Хочешь покормить?

– Я? Э-э... Нет, вы уж лучше сами... вы все-таки в сани, и все такое... – пробормотал Н., а черепашка внимательно посмотрела на него ничего не выражающим вековечным глазом, приняла в клюв таракана и, погрузившись с головой в праматерию, стала питаться.

«Запомнила», – содрогновенно подумал Н.

* * *

Н. спросил у батюшки:

– Отче, а как вы относитесь к экуменизму?

Батюшка, примерившийся налить чаю из чашки в блюдце, остановил движение на полпути:

– В каком смысле?

– Ну... Наши перегородки до неба не доходят, и все такое...

– Перегородки? А помнишь лихие девяностые? У нас тогда ежедневно крестилось человек по полста, считали их партиями, да отпевания, да венчания, да все подряд... Помню, в одном углу храма я вполголоса покойника отпеваю, а в другом мой сослужитель вполголоса две пары подряд венчает, в одном углу – многая лета, в другом – вечная память... И ничего. И перегородки не доходят. Вот это был экumenизм!

«У попов на все готов ответ», – подумал Н. Но вслух, конечно, не сказал – батюшку он любил. И Ностальжи ничего не сказала, ее на тот момент поблизости не было.

* * *

Н. иронически наблюдал, как Ностальжи роется в своей сумочке, уйдя туда по плечи и время от времени длинно, чувствительно чертыхаясь.

– О Дамская Сумочка, модель мироздания!.. – пропел Н. на неопределенный мотив. – Архетип ищем?

Косматая Ностальжи вынырнула из сумочки и уставилась на него неподвижными яростными желтыми глазами Минервиной совы, от горя сошедшей с ума.

– Какой еще архетип?

– Ну-у... – осторожно сказал Н., на всякий случай передвигая задом табуретку к дальнему краю стола. – Какой у вас там, женщин, бывает архетип... Например, Маленькое Черное Платье. У каждой женщины в ее Дамской Сумочке должно быть ее Маленькое Черное Платье.

– Нет. Большой Серый Пиджак, – сдавленно выговорила Ностальжи.

– О! Мадам феминистка?.. – продолжал было Н., ловко увернувшись от Дамской Сумочки, пущенной ему в физиономию, по бессмертному булгаковскому примечанию, метко и бешено.

И страсть, как свидетель, поседела в углу.

* * *

Н. вытащил ящики письменного стола, вывалил все залежи на пол и, сидя среди вываленного на корточках, как ночной вран на нырищи и как птица, особающаяся на zde, перебирал бумаги.

– Слушай, ты не помнишь, кто это снимал? – он протянул Ностальжи серый, с одной стороны гляцевый в трещинах, прямоугольничек. На обороте имелся круглый след, видимо от чайной чашки, и химическим карандашом было написано: «Весеннее половодье на р. Лета».

Ностальжи долго смотрела, наконец сказала:

– Не помню...

– А в каком году хоть?

Но нет, ни Ностальжи, ни сервис гугла «Поиск по картинке», в который ввели сфотанный телефоном снимок, не помнили ничего.

* * *

Выйдя вынести мусор, Н. нашел возле баков выброшенный кем-то красный советский двенадцатитомник Дюма издательства «Художественная литература», и по этому поводу друзья справляли небольшую тризну, подымая нечокаемые тосты за времена, потом за нравы и прочее. После четвертого тоста Н. ударился в патетику на тему былой ценности подписных изданий и пересказал правдивую историю, как в оные времена такой вот двенадцатитомник обменяли на четыреста двенадцатый «Москвич».

– Ой, да ладно врать-то, – перебил его Костя Иночкин. – Сто раз рассказываешь одно и то же... Не был это четыреста двенадцатый «Москвич».

– А что это было, по-твоему?! – пошел пурпурными пятнами Н.

– Ушастый «Запорожец» был, – вылавливая в банке вилкой одиноко ускользящий микроскопический корнишон, авторитетно сказал Костя.

– И не обменивал его никто, – неожиданно вставила Ностальжи. – А ушастый этот «Запорожец» вы разбили в стройотряде. В райцентр ночью за водкой поехали. Придурки.

– Точно! – воздел вверх вилку Костя. – А «Запорожец» еще был из деревенских чей-то.

– Но позвольте!.. – опешил от такого поворота Н. – А при чем же здесь Дюма?!

Никто ему не отвечал, потому что Дюма действительно был ни при чем. Но это только с одной стороны.

* * *

Н. читал вслух:

«Весело катился Пушкин по дорожке из Одессы и пел песенку:

Я от Вертера ушел,
От Чайльд-Гарольда я ушел,
От Мельмота ушел,
От Гяура я ушел,
От тебя, романтизм,

Всяко-разно уйду! И покатился Пушкин в Михайловское, прямо реализму в зубы...»

Собака Собака уснула на солнышке, плотоядно повизгивала, посучивала ногами во сне. Н. закрыл книгу, положил на лавочку, иэхх! потянулся с хрустом: весна, товарищи!.. С обложки книги на него строго и приязненно глядел пожилой ученый автор, в бровях и пышных вековечных усах.

* * *

Костя Иночкин перечитал стихотворение, потом еще раз перечитал, отложил листок, и Н. с деланой небрежностью спросил:

– Ну как?

– Хорошо, – сказал Костя, – мне нравится. Только вот давно хотел тебя спросить: чего это ты в последнее время стихи пишешь без знаков препинания? Фейсбучной моды, что ли, нахватался? А помнишь, как я всегда любил твою любовь к знакам препинания! Точка и тире; многоточия; сложная система скобок; и особенно эти твои точка с запятой...

– Ну да, любил... когда это было-то!.. При чем тут мода вообще! – уязвленно сказал Н. – Просто это новый взгляд, другая тональность, другое дыхание и все такое...

– А по-моему, ерунда. Знаешь, зачем в стихах знаки препинания? Чтоб они торчали как заусенцы, и тогда стих у Бога в ушах застревает. И Он его запоминает. А так – в одно ухо влетело, в другое вылетело.

– Ишь ты. У Бога в ушах. Тебе самому бы стихи писать...

– И зря иронизируешь, – неожиданно серьезно продолжал Костя, перегнувшись к другу через стол, положив ему руку на плечо и глядя в глаза. – Ты ведь для Бога пишешь?

– О!.. А чего это ты про Бога вдруг заговорил?

– Я-то? Да стареем, стареем понемногу!.. – криво усмехнулся Костя, откинулся обратно на спинку стула, замолчал, стал выковыривать из пачки сигарету.

«Действительно, кстати, стареем!..» – подумал Н. И еще подумал, ну и слава Богу, коли так. Значит, еще год-два, и бывшая любовь к точке с запятой вернется к нему снова.

* * *

– Зря вы тогда расстались, – сказала Ностальжи. – Такая любовь была!..

– Такая, да... – сказал Н. – Собственность – это тоже форма любви. Болючая, страстная. Знаешь, говорят, в аду, когда кто-то умирает, ему перед смертью зашивают рот. Чтоб не смог сказать: «Господи, помилуй!» и не исчез бы из ада. Хотят оставить его себе навсегда.

– Форма любви, – повторила Ностальжи. – Если так подумать, то все на свете – форма любви.

– Да, – сказал Н.

* * *

Дочку Ностальжи зовут Ляля, Ляле пять.

Стремительно, как несомая ветром Мэри Поппинс, летя на работу, Ностальжи попросила Н. посидеть с временно отлученной от садика Лялей – у Ляли какие-то гланды, а у Н. как раз отгул.

– Ну что, почитаем сказку? – бодро сказал Н.

– Не зна-аю... – уйдя в глубины кресла и подпрыгивая босой ногой, Ляля искоса снизу сквозь челку внимательно глянула на Н. и опустила глаза.

– Ну-у... Ты что же, не любишь сказки? – озадаченно спросил Н.

– Не зна-аю... – Ляля изогнулась, вытащила из-под себя бархатного, которому Питер бока повытер, ослика с заштопанным пузом, помяла перекашивающиеся внутри ослика остатки гранул наполнителя, натянула ему уши под подбородок и сделала старушку.

– Но ведь сказки – это классно! – бодро сказал Н. – Там всегда все заканчивается хорошо! Да же?

– Да-а... – ковыряясь с осликом, протянула Ляля. – А мне грустно...

– Грустно? Отчего это?

– А что заканчивается хорошо... Что хорошо только в конце. И что как только хорошо, так всегда – конец.

На это Н. не нашелся что ответить.

Однако, что бы там ни глаголила истина устами данного младенца, день надо было как-то скоротать, и он таки откашлялся и раскрыл книжку.

* * *

Два поэта вошли в храм помолиться. Один был Н., а другой верлибрист.

Н., став впереди, молился так: «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие литераторы, грабители, обидчики традиции и разорители скреп, беспутные постмодернисты, или как этот верлибрист. Пощусь два раза в неделю, применяя теорию стихосложения».

Верлибрист же стоял вдали. Он не смел даже поднять глаз своих к небу, но, ударяя себя в грудь, говорил: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику!»

Один вышел более оправданным, другой – более-менее оправданным, один сунулся к другому сигаретой: «Огонька не найдется?», другой чиркнул зажигалкой.

И каждый пошел своею дорогой, а поезд пошел своей.

* * *

Последние часы перед концом света Н. обычно проводил у Марфы, на даче в Семхозе.

– Прошу вас, варенье помешивать надо строго по часовой стрелке! – говорила ему Марфа, одновременно утверждая живенькому мясу, норовившему вылезти наружу из мясорубки, вилку в темя, чтоб оставалось в сущем сале, а другой рукой в прихватке отворяя заслонку духовки – взглянуть на пирог.

Н. послушно переиначивал свои внутренние беспокойные эсхатологические ритмы на часовую стрелку и мерно вращал деревянную мутовку в недрах медного таза, стараясь захватывать булькающие и томящиеся в сиропе райские яблочки не только по краям, но и в глубине.

Потом, как всегда, грохотало и бухало, воздух студенел и ядовито наливался ало-зеленым, и Н. всем существом ощущал радиоактивную взрывную волну, впрочем, как всегда, обходящую стороной Семхоз, отчего Н. натужно усмехивался сам себе и пытался шутить, рифмуя «Семхоз» и «невроз».

Марфа взглядывала на кухонные часы.

– О, управимся ли к обеду!..

Н. в этом месте смотрел на нее просительно и смиренно, стараясь лицом походить на старого лабрадора.

– Ладно-ладно, знаю я вас, уж никакого терпежу!.. Только одну, слышите, молодой человек? ОДНУ рюмочку!.. Как говаривала моя бабушка, кто не ждет гостей – не дождется в Царстве Божьем добрых вестей!

Н. благодарно принимал из ее рук рюмочку смородиновой настойки и, парно вздохнув, как молочное дитя, и опустив лицо в рюмочку, глотками выпивал.

– Ну и слава Богу! Молодой человек, вилки, вы разложили вилки?

– Ой!.. – обычно говаривал Н. и, ухватив жменю мокрых сияющих мельхиоровых вилок, принимался проворно их протирать реденьким старым свежевystираным льняным полотен-

чиком и раскладывать аккуратно окрест тарелок, от возраста инде шербатых, но сияющих паче солнца.

Тут, как обычно, хлопала дверь дощатого домика, и на веранду входили Христос и Мария, возбужденные, блистатоочитые, местами обгоревшие, обсыпанные радиоактивным пеплом, горячо описывающие друг другу детали только что совместно пережитого события.

Марфа снова взглядывала на часы, морщилась:

– Опять?!.. Ну что ж это такое!..

– Прости, Марфа!.. – торопился объяснить Христос, а благородная Мария, не желавшая, чтоб ее выгораживали, останавливала его значительными взглядами и жестами и торопилась объяснить сама:

– Это вы меня простите!.. Я там, пока шла, благую часть избрала, а как грохнуло – ну и выронила и потеряла, а потом пока нашла, да пока подобрала...

Тут Христос и Мария, продолжая возбужденно обсуждать яркие моменты своего приключения, лезли было, отодвинув стулья, за стол, но Марфа была начеку:

– Так, стоп! Господи, это что такое! Мыться, немедленно мыться!

Осекшись на полуслове, Христос и Мария замолкали, потом смиренно молча шмыгали в дверь, гремели рукомойником.

Вот и сейчас – Марфа, скрежетнув дверцей духовки, вздохнула:

– Ну вот, все и готово... Молодой человек, выгляните в окно – идут?

Н. выглянул.

По Сергиевой тропе, от железнодорожной станции Семхоз по лесенке вверх, потом – мимо храма, меж дубов, ныряя в тень и снова появляясь, шел отец Александр в сияющей шляпе и белоснежном летнем пальто, помахивая портфелем.

– Идут!..

– Слава Богу!.. Много с ним?

– Сейчас... Пять... Восемнадцать... Сто сорок два... Ой, вы знаете, думаю, что порядочно... я сбился.

– Ну вот, ну вот!.. Я так и знала, что будут нужны еще рюмки!.. Голубчик, прошу вас, помогайте, доставайте вон там, в буфете!..

И Марфа, по выражению Ностальжи, которое тут же вспомнил Н., вертя дыру на месте, взмахнула передником, как крылом.

* * *

Н. приснилась Ностальжи. Она как будто бы жила на книжной полке, в книге «Домострой», и когда Н. постучал в обложку, выглянула оттуда на минуту, вся нечесаная и отекая, с огромным животом, и глухо сказала: «Муж наложил на меня бремена неудобноносимые, а сам и пальцем не дотрагивается, чтоб их понести», и опять скрылась.

Н. как будто бы хотел что-то ей на это сказать сочувственное, но обнаружил, что и сам живет на книжной полке, и все его друзья – на ней же: собака Собака – в «Муму», бабушка – в «Лестнице», Костя Иночкин – в сорокинской «Норме», а сам Н. – в Туве Янссон.

Долго извиваясь и крича немим нутряным мыком, Н. наконец рванулся, совместился сам с собой и проснулся, весь мокрый.

«Хорошо еще, что это была „Шляпа волшебника“... жить можно, ничего... Или все-таки – „В конце ноября“? Тогда швах, плохо мое дело...» – до утра, не спя, думал Н.

* * *

На ночь Н. читал «Лествицу».

Во сне ему привиделась эта лестница, похожая на боттичеллиеву воронку, отверзтую внутрь человеческого естества, а сам Иоанн, игумен горы Синайской, был Вергилием: по главам-ступеням страстей – вниз, по главам-ступеням добродетелей – вверх. «Зачем ты написал эту книгу таким архаическим языком? Я не монах, и мне страшно ее читать!» – спрашивал у Иоанна Н., а тот, весь коричневый, ссохшийся, но изнутри, под глянцевою корочкой аскезы, медовый и лучащийся, как финик, вздыхал и говорил: «Да ничего я не писал. Я только включаю свет здесь, на лестнице, – а видишь самого себя в этом свете ты сам. И решаешь, оставаться тебе или выползать, тоже ты...» – и плоской иконописной дланью указывал на большой, в пятнах ржавчины, железный рубильник.

Н. вспомнил картинку в посте из фейсбука: под водой два аквалангиста сидят в защитной клетке, а снаружи плавает акула и говорит: «Выходите из зоны комфорта, измените вашу жизнь!», и комментарии типа «ага, щас». Повернувшись на бок, Н. уснул снова. На этот раз

приснилась ему темная толща воды, и клетка комфорта, и собственная асфиксия, и страх, и эта самая акула; потом, пристально взглядевшись, Н. понял, что это не акула, а совсем другая рыба, или даже – Рыба, примерно та самая, из которой когда-то Иона вышел совсем другим человеком, а именно – самим собой.

* * *

Н. зашел на кухню, наполненную паром, чадом, запахами свежее испеченных куличей, свежескрашенных яиц и булькающего на плите студня, и заглянул в холодильник. Подсвеченная пустота гудела ровно.

– Велик день тоя субботы, – сказал Н. и закрыл холодильник.

Ностальжи, шинкующая лук, знала, что изъясняться церковнославянскими цитатами Н. начинает в минуты особой туги и предельного над собою смирения, и промолчала.

– В день тоя субботы еды-то вокруг много, а пожрать нечего, – по-русски уточнил Н., обращаясь как бы к мирозданию. Просунувшая часть рыла в ту же кухонную дверь собака Собака – услышав голос Н., она воспряла: «Наши в городе!» и в четвертый раз попыталась проникнуть в запретное пространство кухни – как бы негласно соглашалась с ним; черный ее соплеватый нос в розовых плешинах подрагивал от голода и удалой трусливой отваги.

– Кто не дает-то. Открой зеленый горошек, – ровным голосом, щелкая ножом по доске, сказала Ностальжи.

– Горошек!.. Очи мои изнемогосте от поста, – отвечал Н. и дрогнувшим голосом пояснил: – Видеть ваш силос уже не могу.

– Это колени изнемогосте от поста, – все так же ровно отвечала Ностальжи, и ровность эта приобрела уже нехороший оттенок. – А очи – они изнемогосте от нищеты. Образованец.

И глаза ее наконец стали медленно подниматься от ножа и доски; приготовленная Н. цитата про Марфу-Марфу и куличи мнози замерла в горле его; едва успел он ногой выпихнуть из кухни собаку Собаку и вместе с ней исчезнуть, пока эти глаза не поднялись окончательно.

* * *

Открыв фейсбук, Н. прочел:

«Вы теперь можете отмечать людей в своих статусах и публикациях. Введите @, потом имя друга. Например: „Я и @Иван Иванов вместе обедали“».

– Я и собака Иван Иванов. Обедали. Вот так-то, – сказал Н.

Собака Собака, которая привыкла откликаться на, в общем-то, любое имя, всем видом выразила постоянное и неизбывное согласие обедать вместе и немедленно.

* * *

Про бывшего Ностальжи мало кто что знал. Даже Н. Ну, на то и бывший, был и был. Знали только (по ее же немногословным рассказам), что он был очень страстный.

– Ага. Страстный. Со многими страстями. Любоначалие, чревоугодие, гортанобесие там, мшелоимство... – добавлял при этом Костя Иночкин.

* * *

Н. излагал батюшке содержание прочитанного апокрифа:

– Ну и дальше там написано, что Мария была из священного рода Моисея, а Марфа – из священного рода Аарона; и потому род Марфин печется о мнозе, а род Мариин благу часть избра; и так эти роды – и по сей день... Как вам такое?

Батюшка аккуратно поставил чашку ровно в середину блюда:

– Как есть, так и есть: одни попы все требничают, а другие – все небничают, и друг друга с трудом переносят.

– И что?..

– Да как что: несмы якоже прочии человецы.

И батюшка, сцепив на пузике персты, откинулся на спинку стула, склонил голову к плечу и ласково и пристально, как добрая неясеть, поглядел на Н.

* * *

Накануне просмотра последней серии «Игры престолов» Н. не удержался – залез в один фанатский чат и даже поставил там кому-то лайк.

Немедленно зазвонил телефон.

– Я существую! – на том конце сказал Костя Иночкин пароль.

– Воистину существую! – севшим голосом бодро отозвался Н.

– Не смотришь? – спросил Иночкин.

– Нет! – соврал Н.

– И я нет! – в ответ соврал Иночкин, который только что побывал в том же чате и, вне сомнения, видел Н-ский лайк.

Они помолчали.

– Ну... спокойной ночи!

– И тебе!

Перед сном Н. вспоминал один особо его задевший гомилетический комментарий из чата, о том, что «Игра престолов» – измышление антихристово и нет в ней покаяния. Уснул он только под утро и во сне видел огненные слова: «Я ТЕЧЬ ВО МНЕ, Я ПОЗОРНЫЙ НА СПИНЕ», пылавшие на внутренней стороне смеженных век до самого утра.

* * *

Ностальжи знала по опыту: когда в дверь звонят в полвторого ночи – лучше открыть.

На пороге стояли двое. Точнее, один: Н. стоял, а Костя Иночкин висел у него на плече – глаза заплыли синяками, на скуле засохла кровь, рукав куртки полуоторван...

– И где вы были? – спросила Ностальжи, обрабатывая Костины раны перекисью водорода из бутылочки.

– Да, понимаешь, я сам в шоке... Ничего такого, понимаешь, зашли тут в паб пива выпить...

– В какой паб?

– Да тут у вас на углу... Ну, недавно открылся...

– В «Дракарис»?!

– Да, вроде так называется...

– Вы с дуба упали?! Там же фанаты «Игры престолов» тусуются!

– А что такого-то? Мы тихо зашли, спросили чего подешевле... Козела пару староповицкого... Вокруг – нормальные вроде люди, никаких там нефоров, женщины в основном, библиотечарского вида, бальзаковского возраста...

– И что вы сделали?

– Да ничего мы не сделали! Сидели, пиво пили... За соседним столиком две дамочки разговаривали... про драконов... Обсуждали, как у разных видов устроены огненные железы и за сколько времени можно сжечь Дубровник скандинавским драконом, а за сколько – китайским...

– И?..

– И Костя просто решил сказать доброе слово... Поднялся, улыбается этак светло, и говорит: милые дамы, ну не будем же ссориться, ведь ваш сериал, в конце концов, – это же просто сказка, вымысел! И тут началось, ты себе не представляешь...

– Я не представляю? Я как раз представляю. Идиоты... Купили бы пива и пили дома, так нет же!.. Давай его на тахту в комнату. Да осторожно, не бревном тащишь! Вот так... клади.

Н. присел на край тахты:

– Нет, я все понимаю... Но откуда такая жестокость?

– Жестокость!.. Скажи, он как это говорил? Ну, про сказку?

– Да как. Нормально говорил. Без наезда, не нагло, он и не пьяный был совсем. Мирно говорил... тихо, кротко.

– Вот именно! Тихо, кротко – значит, на правду претендовал! Лучше бы он их матом обложил, им бы не так невыносимо было!..

И, махнув рукою, вторую Ностальжи подхватила, выходя из комнаты, тазик с водой и размокшими клоками ваты.

* * *

Когда в городе снесли очередной памятник вождю, от него долгое время оставалась куча щебня, посреди щебня торчал великански небольшой обломок гранитной ноги. Молодежь любила фотаться с этой ногой и выкладывать фотки в соцсети.

Шестого июня Н. тоже пришел к куче, имея в руках портрет Пушкина. Чтоб почтить память поэта, он влез на гранитную ногу с портретом в обнимку, балансировал там и кричал: «Болярину Александру – многая небесная лета!», а Костя Иночкин шелкал телефоном. Потом снимок появился в инстаграме с подписью: «Н. был с Пушкиным на короткой ноге».

* * *

– Что у тебя завтра? – спросил Костя Иночкин.

– Андерсеновские чтения, – ответил Н.

– Ага, помню, ты говорил. Написал сказку-то?

– Написал. – Н. откинулся на спинку стула, снял очки и потер глаза.

– И про что она?

– Про то, как в ночь накануне выборов в кабинетике секретаря уездного горкома КПРФ оживают вещи. И как между собой разговаривают, например, пресс-папье, иконка святителя Николая Чудотворца и гипсовый бюстик Ленина.

– И о чем разговаривают?

– Да какая разница, о чем... Разница – как.

* * *

Н. помогал Ностальжи с ужином – резал лук и напевал:

Ой, цветет калина
в поле у ручья,
селективный ингибитор обратного захвата
серотонина
полюбила я...

Внезапно он отложил нож и, утирая слезы, спросил:

– Кстати, вот интересно: обратный захват серотонина – это как?

– Вот так, – ответила Ностальжи, взяла апельсин, крикнула: «Але оп!», подбросила его правой рукой, левую ловко вывернула и завела себе за спину, не моргнув глазом поймала этой левой апельсин, стремительно вывернула левую руку снова наружу и, по-цирковому улыбаясь, подала апельсин Н.

* * *

Н. говорил собравшимся, пронзительно и профетивно-кокетливо не глядя ни на кого, примерно как Достоевский в исполнении актера Миронова:

– Ваша актуальная поэзия кончится первой. Главная черта актуального поэта – обычная физиологическая обезьянья цепкость на детали, на всю эту «памяти памяти», детали, они и поражают читателя в самое сердце, и он обильно ставит лайки, рукоплещет, мреет и цепенеет в пароксизмах. Актуальных поэтов вычленят (в это время Н. прихлебывал чай, одновременно раскуривая новую папиросу, и это «-чле-» прослунчало сквозь его зубы особенно как-то смешно, дико и обезоруживающе) первыми и поставят в первом ряду на колени у расстрельной ямы истории.

Ностальжи поглядела на собравшихся за столом, подавшихся как бы вперед, под выцветший абажур низко нависшей над столом лампы, выхватившей напряженные лбы, одышлую пепельницу-ощетинницу, чайник, коричневатые отчашечные следы на скатерти, и сказала, тоже как бы на публику:

– Ну а вы что, метафизики, идеалисты, которые всякую там Добродетель с большой буквы писали? Вас в каком ряду поставят?

Н. замолчал и посмотрел прямо на Ностальжи, уже как Достоевский не в исполнении Миронова, а глубже и землянее, как в исполнении Солоницына:

– Нас?.. Нас не поставят... мы там уже... мы все – там.

И лампа затрещала и мигнула; но никто за столом не пошевелился, думая о своем.

* * *

– И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый!..

Н. закрыл книгу.

– Да-а... – протянул батюшка.

– Да, – подтвердил Н. – Ему проще – ему ангел вырвал... А нам, непророкам, – самим приходится управляться, с празднословным-то нашим и лукавым.

Батюшка вздохнул:

– Это да... Ну, значит, и подвиг каждого из нас потяжелее и повыше будет, чем пророчий.

– Угу... – Н. помолчал и осторожно спросил: – А вот это вот, чей подвиг-то выше, кто должен измерить и определить? А?..

Батюшка молниевидно переменялся в лице.

– А чего на меня-то смотришь?! Я-то при чем!.. Я такой же человек, как и...

– Да я знаю, знаю... – вздохнул Н. – Но и все же... Нет, значит, специального определяющего?..

– Нет-нет! – отмахнулся батюшка, суется вокруг ботинка и с кряхтением ища ложечку.

– А вообще-то, жалко... Насколько бы проще было, правда?

– Правда... Не все то правда, что правда, – глухо сказал батюшка, завязывая шнурки.

* * *

Н. сидел у дома на лавочке. Смеркалось; микрорайонный дождь моросил, переставал, начинался снова. Два из шести фонарей лили во двор жидкое свечение.

Молодые люди на соседней лавочке беседовали:

– Смори, Волоха! Дедухан с шестого подъезда какой молодец. Опять на турник пошел.

– Физкультурник, чо. Ветеран. Треники зачотные у него.

– Бэтмен.

– Спи спокойно, родимый Готэм. Ах-ха-ха-ха-ха.

– О, смори, смори!.. висит.

– Чо-то не шевелится... пойдем посморим, на чем он там держится ваше?

– Чо-то он там помер, в натуре... пойдем, ага.

Н. подошел к скамейке, на которой сидели молодые люди, взял газету, стряхнул с нее семечковую шелуху, прочел: «Советский Союз держался на христианской парадигме».

* * *

Батюшка и Н. вывалились из храма почти одновременно, распаренные, березово духовитые, праздничные; тот и другой не имели задних ног.

– С праздником, отче!

– А! И тебя, и тебя!

Они обнялись.

Костя Иночкин, ожидающий их в тени у паперти, обниматься не стал, ехидноманерно поклонился и поздоровался с батюшкой за руку.

– Ну как, попарились?

– А то! – напряженно и преувеличенно весело, косясь, как отреагирует батюшка, отвечал Н.

– Русалки на вас с берез не прыгали? – не унимался Костя.

– Какие русалки?

– Ну как же. Сегодня – день проникновения в православную эортологию языческого Семика; положено не только березки в храм тащить, но и русалок, наловленных в пруду...

Н. нехорошо зыркнул на него, но батюшка, отпив из бутылочки «Бонаквы» часть содержимого, а часть выливая себе на плешь, сказал:

– Уф-ф!.. Русалки – что!.. Я все время боюсь, не прыгнул бы клещ... бывали случаи, знаете.

– Что, прямо в храме?... – нелицемерно удивился Костя.

– А что. Зане персть есмы, – весело вздохнул батюшка. – Ну что, возлюбленные чада Божии, пошли праздновать дальше?

И они пошли.

* * *

– Ну-ну. Ты себя-то в молодости вспомни, – сказала Ностальжи.

Н. вспомнил.

В молодости к вопросам актуального искусства, а равно и к вопросам актуального в искусстве, он относился вполне актуально.

На одном, помнится, каком-то квартирнике, происходившем в Литейных полуподвалах, Н. углядел известного критика Г.

Червивые красные губы Г. язвительно извивались, меж тем все-таки поглощая предлагаемый не мерю портвейн.

«Чтоб тебе на том флэту провалиться на мосту...» – процитировал про себя бескомпромиссный Н.

Идя меж кресел по ногам зависающих, Н. протолкался к Г. и, подняв забрало, спросил:

– Скажите, а как вы относитесь к явлению современных художественных плеяд?

– «Блея-я-я-яд!».. – саркастически проблеял, закуривая, Г. – Как к ним можно относиться, молодой человек?

– Как?

– Человеческая многоножка! – презрительно выцедил Г.

Не разговаривая далее, вскипевший духом богатырский Н. мощно, коротко и без замаха, заушил Г. Сигарета того рассыпала звездные искры; перхоть посыпалась с велюровых плеч пиджака; критик свистнул и улетел, резко уменьшаясь в открывшейся космической перспективе.

«К созвездию Плеяд!» – удовлетворенно подумал постоявший за правду Н. и стал пробираться к выходу.

На выходе его остановила многоочитая и благоутробная плеяда митьков.

– Ну как там критик-то Г., братушка? – спросила Н. плеяда.

– Ты, Оксана, не надейся. – Н. натягивал в прихожей свои разношенные по моде армейские кирзачи. – Один казак зарубил его... саблей напополам.

– Ёлы-палы! – одобрительно приветствовала известие плеяда.

– Дык, – скромно отвечал на это молодой Н.

* * *

– О, смотри, что нашел! – Костя Иночкин вытащил из коробки небольшую покоробленную фотокарточку с обломанным уголком. На карточке, темно-серым и светло-серым по серому, мутно, но узнаваемо, отобразилось какое-то злаковое поле, посреди поля – сколоченные из горбыля козлы, а верхом на козлах – юные Костя и Н.

– Как молоды мы были, как верили в себя!.. – дрогнувшим голосом сказал Н., бережно поднеся карточку поближе к глазам.

– Где это вы? – спросила Ностальжи. – Что-то не помню...

– Это в стройотряде, в деревне Ромашко-во. Ты болела тогда, с нами как раз не ездила, – сказал Костя.

– И что за козлы? – спросила Ностальжи.

– Это мы позируем Феде Вилкину, – сказал Н. – Он же до того курса, помнишь, вместе с нами учился, пока в армию не забрали... Ну как учился, не учился, конечно, все картинки красил, бухал да акции устраивал, вот и забрали... Это мы позируем, изображаем всадников, для его полотна «Масоны травят пикачами русского зайца». Картина колоссальная, представь, поле ржи вечереет, багровым наливается закат, стая кислотных пикачей, весело и кровожадно скалась, рассыпалась по полю, на переднем плане мчит не чуя ног удалой обреченный заяц, на заднем – аспидные фигуры всадников, ату его, колорит, гибель русской цивилизации, все дела!..

– Погоди, – сказал Костя. – Он же ее так и не написал вроде.

– Ну да. Не успел. Это я по его устному описанию воспроизвожу. Не дошло тогда дело до холста: сперва у нас деньги кончились, потом ему продавщица в лабазе кредит закрыла...

– Слушай, а чего вы тогда с ним подрались? – спросил Костя.

– А!.. – усмехнулся Н. – Да ну, ерунда вышла. Ну, просто пили сидели, да и заспорили, как всадников надо решать: в надменном стиле чтоб были, как барские ягайлы, или в сторбленно-зловещем, как закулисные вампиры!.. А Федя, кстати, потом с нами в город не уехал. В Ромашкове остался. Кредит свой отрабатывать, иначе участковый грозил дело завести... Сперва в колхозе на силосных ямах спутники таскал, потом еще на частном огороде, у местного одного как раз ягайлы, вампира, в общем.

– Да... Затравили, значит, русского зайца! – сказал Костя. – Так он и не доучился, бедняга...

– Бедняга! – фыркнула Ностальжи. – Это вы бедняги! Вилкин теперь вон в каком тренде. В соцсетях во всех постах его картинки. Каталог его работ видела, там такие ценники!

Н. и Костя, соглашаясь, вздохнули: у них самих ни каталога, ни ценников ни на чем не было, и цитировали их в соцсетях далеко не во всех постах.

* * *

Н. распечатал на принтере текст из соцсетей и, нахмутив брови, что-то там черкал карандашом.

– Что это у тебя? – спросил Костя Иночкин.

– Да вот, статья о современном литпроцессе, – не отрываясь от черканья, ответил Н.

– Дельная?

– Да не знаю, не читал еще...

– А сейчас ты что делаешь? – удивился Костя.

– Да вот, у феминитивов окончания исправляю...

Костя испуганно заозирался и даже, подошед к окну, свесился из него и оглядел дом напротив, как будто ожидал в каждом окне его увидеть по феминисту.

– Ты что, против политкорректности?

– Ну что ты! – Н. откинулся на спинку стула. – Я-то не против. Просто многие новообразования эти, они как-то... ну, цепляют, мешают читать. Вот и исправляю. Например, «поэтка» эта самая. Нимфетка, старлетка, ранетка, табуретка!.. Неуважительно как-то, неблагозвучно.

– А как благозвучно?

– На мой вкус, с суффиксом «-иц-» куда лучше. Поэт – поэтица, автор – авторица.

– Царь – царица, – согласился с ним Костя. – А то, прикинь, было бы: «Царь с цесаркою простился, в путь-дорогу снарядился»...

– Ага. Или – «светская левка». Жесть.

И Н. снова склонился над своим занятием.

* * *

– О чем задумался? – спросил Костя Иночкин.

– О возрасте, – сказал Н. – Представляешь, мне уже столько лет, что вот только что, прочитав в соцсетях новые стихи одного поэта, подумал с ностальгической нежностью: «Ух ты, старый добрый подражатель Бродского!..»

– Старый, значит!.. А что, нынешние разве у Бродского больше не воруют?

– У него уже невозможно ничего своровать. Бродский стал как природа, у него можно только почерпать.

* * *

– Вы знаете, молодой человек, – сказал Чехов, по старой докторской привычке он всех пациентов называл молодыми человеками, – роман, доложу я вам, умирает. Или уже умер.

– Почему это? – спросил Н.

– Потому что краткость – сестра таланта, – весомо изрек Чехов и облокотился на столик по-старинному, как на фототипическом портрете в своем собрании сочинений: локоть утвердив в столешницу, указательный палец уперев в скулу, большой – под челюсть в бородку, средним как бы прикрыл губы, а прочие слегка подобрал.

– То есть, Антон Павлович, вы хотите сказать, что этот самый брат краткости, словно некий маньяк, излавливает романы, оглушает, тащит в подвал, там окончательно их убивает, расчленяет и, сося растерзанное по-иному, составляет из них книгу афоризмов? – не сдавался Н. – Из большой художественной правды настригает бессвязную кучу блестящих, хлестких, маленьких враньев?

Чехов поправил пенсне и, озадаченный таким поворотом разговора, молчал.

* * *

Ностальжи побежала на срочную работу, а Н. попросила погулять с Лялей.

Н. вел ребенка за руку и рассеянно думал о том, что в начале XX века русские газеты писали о детских садах и о рабочих матерях как о национальном позоре.

– Мороженое купи, – приказала Ляля.

Н. выскреб из кармана мелочь.

– Тебе какое?

– Мне магнум голд! Потому что я Пинки Пай!

– «Лошадь наденет галоши поплоче»... А может, ты лучше будешь Сумеречная Искорка?

– Сам ты Искорка!! Покупай магнум!!

– Мм... может, вон то, плодово-ягодное?.. А то у меня на сигареты не остается...

– А я на тебя тогда пожалуйюсь в опеки!!

– В опеки!.. – передразнил Н. – Сопля, говорить научись... Не в опеки, а в опеку.

– Купи! Все лучшее детям, все худшее взрослым, так мама говорит!

Ляля ела мороженое, наступала в солнечные пятна бульварной плитки, стараясь не наступать на пограничные линии, и гулко и немелодично визжала с закрытым липким ртом:

Вы – пироги мои свежие!

Объятья нежные!

Друзья! Навеки мы – друзья!

Поддержим мы всегда

Друзей стремления!

И ясно всем: то, что нужно нам,

есть прямо здесь,

Ведь команда мы!!

В кармане зазвонил телефон.

– Привет, ну как вы там? – спросила Ностальжи.

– Сладок кус недоедала, – мрачно ответил Н.
– Что?! Тебя не слышно! Вы в порядке?
– Да в порядке, в порядке. Педолатрия форева, – сказал Н. и отключился. Подумав, потыкал кнопки и переключил телефон в режим «абонент умер».

* * *

– Как у тебя? – спросил Н. у Ностальжи.
– Да никак, – с сердцем отвечала она. – Все так же... Достали хозяева. Надо новое жилье искать. Зайдем вон в тот храм?

– Зачем? – удивился Н.

– Там икона Спиридона Тримифунтского, с мощами. Он с жильем помогает.

Они зашли. После звенящей уличной жары в храме стояла звенящая же прохлада. Службы не было, и людей у иконы Спиридона было немного. Ностальжи пошла покупать свечку, а Н., смущенно откашлявшись, слегка поклонился и поздоровался. Спиридон в ответ тоже поклонился, придержав, чтоб не свалилась, свою плетеную остроконечную шапочку.

– Что, милоч, с жильем проблемы?

– Да вот, знаете, это у нее вот...

– Знаю... Да, эти съемные квартиры нынче, это не мед, конечно.

– Да уж...

Помолчали. Свечи потрескивали; светлая пыль плавала в лучах.

– Акафист... это... читать будете? – осторожно спросил святитель.

Н. растерялся.

– Да, в общем... Вы уж меня простите, я акафисты как-то не очень... ну, не то чтоб, вы не подумайте!..

Спиридон облегченно хехекнул, широко, морщинисто заулыбался:

– Ну и слава Богу! Я их, знаешь, тоже не очень... Стоишь перед ними по стойке смирно, по часу да по два, а они тебе – бу-бу-бу, бу-бу-бу! Одно да потому, мои же подвиги мне же по сто раз пересказывают, да все чтоб буква в букву, да через слово строго-настрога радоваться велят, а какая уж там радость, стоишь как пень, не пошевелись, не почешись, терпишь, ждешь, когда уже закончат всю эту... как ее бишь, слово забыл...

– Прелюдию?

– Вот-вот. Прелюдию. И пока этак-то до сути дела дойдут, а там сути этой – от пареной репы хвостик, попросить того да сего!.. Ну, поди, сам знаешь, ты ж верующий... Ты ж верующий?

– Да-да! – торопливо подтвердил Н.

– Ну вот. А не слушать их – тоже зазорно как-то, жалко их все же... Не у всех нынче деньги есть, на Корфу-то туристами шастать...

Тут подошла Ностальжи, утвердила в латунную лунку свечку, стала что-то про себя настойчиво шептать, стараясь при этом убедительно магнетизировать икону скорбным взглядом. Н. перекрестился, поклонился еще раз и вышел на паперть.

Жара над городом сгустилась в сгущенку, сперва жидкую, а потом и вареную, и явно стала непраздна скорой грозой; воздух поплотнел и придвинулся; резко запахло пылью и липами с бульвара. Предвкушая дождь, Н. шел по тротуару, вполуха слушал, о чем говорит Ностальжи, и мурлыкал себе под нос:

Эти летние дожди,
Эти съемные квартиры!..

* * *

В минуты раздражения Ностальжи бывала ужасна.

– Ну что ты! – говорил ей Н., успокаивая. – Настройся на позитив!

— Это как?

– Ну... что такое позитив? Прояви негатив, и будет позитив!

И та проявяла. Да още как.

* * *

Когда у Н. особенно портилось настроение, он заходил на сайт литературных премий и, как персонаж передачи «Наша Раша», разговаривал с монитором.

– Ну и что это такое? – саркастически спрашивал Н.

– Это рукопись! – с ударением на «и» писклявым голосом отвечал он сам себе.

– Ручная пись!.. – нарастал градус сарказма в голосе Н. – И чья же она такая?

– Соискателя! – пищало ему в ответ.

– Ишь ты! И кто же таков соскоискатель?

– Он пишет о себе, что молод и образован!..

– Образован!.. А не пишет, от чего именно?

Долее Н. не вытерпывал, захлопывал премиальный сайт и, чтобы успокоиться, открывал что-нибудь жизнеутверждающее, например, какое-нибудь индийское кино. Особенно умиротворяло, если это было произведение современное, например, индийский ремейк про Супермена. Н. проглядывал пару любимых мест, скажем, то, где красно-синий кучерявый лиловоочитый Супермен геройски раскидывает страшную банду из пяти подростков, нагло пытающихся пощупать посялку за сари, а затем со своей Женщиной-пауком танцует зажигательный индийский танец минуты на четыре. О просмотренном Н. сообщал в фейсбуке, к посту присоединяя: «Ссылка на ролик – в первом комменте».

О литературных же премиях он давным-давно взял за правило не писать нигде ничего.

* * *

Н. раскрыл книжку «Поэты „Латинской Антологии“» и сказал Косте Иночкину:

– Послушай, какой класс!

И прочел стихотворение неизвестного автора «Оправдание скромных стихов»:

В том ли безумье мое, что вовсе писать
не хочу я

Книг, над которыми бровь хмурят
седые отцы?

Что не оплаканы мной
ни Пенфесилеины битвы,
Ни осужденный Аякс несправедливым
судом?

Что не пишу о конях Диомеда,
квадриге Пелопа

Или о том, как рожден мир
из начальных стихий?

Или о том, как Гектор погиб,
сраженный Ахиллом,
И за собою обрек гибели весь Илион?
Вы, распустив паруса, дерзайте
в открытое море —
Я же в тихом пруду правлю мой малый
челнок.

– Законно! Наш человек! – подтвердил Костя, что в исполнении атеиста означало примерно «аминь». Расставив на столе с десяток пустых бутылок из набора несданных, он легонько стукнул по одной из них вилкой. «Отвянь!» – звякнула бутылка. Тогда он стукнул по другой, и та ответила: «Отзынь!» И так Костя стучал по ним – «Отвянь-отзынь-отзынь-отвянь», подбирая мелодию гимна невоинствующих эскапистов.

* * *

И тут появляется кот.

Все более-менее близко знающие Н. и следящие за его трудами и днями, когда разговор заходил о домашних питомцах, выслушивали доводы Н. про то, что у них во дворе и так живет уже одна собака Собака и подвергается со стороны жильцов спорадическому уходу и кормлению, и только ухмылялись про себя, что, мол, погоди, куда ты еще денешься с подводной-то лодки; и однажды Н. таки не делся.

Началось, конечно, с Ностальжи. Она позвонила и сказала:

– Срочно приезжай! У нас чепэ.

Потратив полупоследние деньги на такси, встревоженный Н. прибыл.

– Что за чепэ?

– Вот! – указала Ностальжи в центр комнаты.

В центре комнаты в кресле, занимая всю его полезную площадь, важно сидел огромный, упитанный, серый, полосатый, изрядно волосистый кот с усами. Глаза кот имел желтые, малахитового в глубине свечения. Сидел он с таким видом, словно естественным образом родился и возрос из этого кресла в одном и том же сидячем положении. Рядом с креслом стояла Ляля, в руке у Ляли имелась одноногая голая Барби с полуплешивой головой; держась на расстоянии, Ляля осторожно тыкала этим кота в область бока и дрожащим голосом приговаривала: «Котя, отсиди отсюда!.. Котя, отсиди отсюда!.. Котя, это мое кресло!..»

– Вот кот! – сказала Ностальжи. – Звать Кузьма Скоробогатый.

– Э-э... – промолвил Н. – А что, собственно...

– А ничего! Ты не видишь, у ребенка аллергия на кошачью шерсть?!

Кот зажмурил один глаз, выбросил вверх могучую ногу, как бы зигуя за мир, и стал вылизываться.

– Слышен звон бубенцов издалека!.. – пытаюсь дурачки улыбаться, пропел Н. Ностальжи же не улыбалась, но еще более придвинулась и нависла над ним:

– Не смешно. Забирай его.

– Как забирай?! Но извини!.. Я же...

– Ты же, ты же. Я что, должна разорваться? А тебе будет полезно! Тебе давно пора нести ответственность хоть за кого-то! Ты же живешь как я не знаю!..

– О горе! Мы шарам котящимся подобны! – громко, чтоб не дать Ностальжи развить тему про то, чего она там не знает, воскликнул Н., присел над креслом, обеими руками ухватил кота, с кряхтеньем поднял его, применив при этом прием становой тяги, и уместил на плечо, головой за спину, а хвостом вперед. Кот не возражал.

На лестнице Ностальжи, свесившись через перила, прокричала ему вниз:

– К ветеринару снеси! Ты хоть знаешь, что прививки надо делать?

О прививках Н. знал только из строки Ходасевича: «Привил-таки классическую розу к советскому дичку», но бодро прокричал в ответ:

– Знаю-знаю!

Встряхнув кота, чтоб лежал на плече удобнее, он пошагал по тротуару, и даже что-то на ходу примурлыкивал, потому что вроде бы уже начал испытывать к несомому приятелю чувства.

А кот Кузьма Скоробогатый, похоже, отвечал ему тем же.

* * *

– Знаешь ли ты, мерзкий раб, от чего погибнет наконец ваша косная, разжиревшая, удушьяющая все живое, патриархальная цивилизация?! – гремел амазончий глас за спиной Н.; этим гласом его обладательница хлестала Н., как бы плетьюми. – Она погибнет, когда до ваших тупых мужских самоуверенных мозгов дойдет, что на всякую силу найдется сильнейшая сила! На всякие устои – еще более устоявшиеся устои! А на всякий ремонт, которым вы самоуверенно похваляетесь, наступит **НОВЫЙ РЕМОНТ!**

Н., прикованный цепью за тугой ошейник, перехвативший горло, только подвывал, его-зил коленями во прахе, сжимался от каждого удара и пытался жалким шпателем отскрести от стены ПВХ-панели, им же самим в прошлый ремонт приклеенные намертво к стене монтажным суперклеем «Жидкие гвозди»...

Проснулся; сердце колотилось; наволочка провологла насквозь; законные машины передвигали сквозь шторы по стене пятна теней и света. Н. отдернул штору. Глубоко-аспидное небо над городом было украшено глазурными звездами. Некоторые из них, порядка трех или пяти, сорвались с мест и пали, прочерчивая серебристые следы, так как, по-видимому, приделаны к своду были неважно и наверняка какими-нибудь косоруками представителями той самой патриархальной цивилизации. Полагалось загадывать желание, но Н. не стал.

Н. прошел в ванную, щелкнул выключателем. Лампочка привычно ожила желтоватым; тараканы вежливо потянулись расходиться по укрывищам; кафельная плитка, прилепленная Н. во время прошлого ремонта, во избежание переутомления и ради экономии времени, вместо муторного раствора на скорую густотертую краску с цементом, частично все так же пребывала на своих местах. Некому было стоять за плечами; никто из сна не вторгался в милую, ветхую, обжитую реальность; Н. попил воды из крана и, потирая отлежанный плечевой сустав, побрел обратно.

– Ремонт!.. Зачем в ванной ремонт? Главное, вода же бежит из крана... Чего же в ванной боле? Кому он нужен, этот ремонт? Тебе нужен? – спросил Н. кота Кузьму Скоробогатого, протяженно сложенного вдоль срединной расщелины продавленного дивана (славного среди знакомых Н. тем, что у дивана, по слову из песни популярной певицы, было «мало половин»).

Но кот Кузьма Скоробогатый был умен и любил своего хозяина, а потому ничего не ответил, даже ухом не повел.

* * *

Н. позвонил. Батюшка открыл дверь.

– Ох, дорогой мой... Вы что такой мокрый весь? – засуетился батюшка. – Поди, опять толковали толковища святых отцев от ветра главы своея?

– Да нет... Скорее, против ветра...

– Вот! – вскричал батюшка, и глаза его стали ярко светлы. – Вот! Отчего, Господи, родились мы и живем в такой болюче любимой стране, в которой никто не решается плыть против течения, но все могут плевать против ветра?!

И он перекрестился на черно-белое фото Солженицына в рамке, помещенное на почетном месте, но все-таки не в ряду небольшого домашнего иконостаса.

* * *

Было жарко; решили сделать лимонад. Н. нарезал лимонов и затолкал их в трехлитровую банку.

– Прежде чем залить лимоны водой, подави их, – сказала Ностальжи.

– Это не творчество, а перекалывание кубиков, – сказал Н. лимонам. – Вы просто перебираете отходы речи, подобно рекламщикам, обслуживающим транснациональные корпорации. Все креативное пространство в этой поэтической области давно заняли собой Лукомников и Гуголев, а вы все умрете.

Подавленные, лимоны молчали.

* * *

– Лайки ставишь? – сказал Н. Ностальжи, вертящей в мониторе своем ленту.

– Ставлю, – с вызовом отвечала она.

– И ведь ни разу ни в одном посте даже не кликнула на кнопку «Еще».

– Не твое дело.

– «В наши же времена, посещая знатных господ, учения целию своею никто не имеет, но снискание их благоприятства», – процитировал Н.

Ностальжи только передернула плечами, как затвором, и не отвечала ничего.

* * *

– Батюшка, а праведники же в Царство Небесное попадут? – ни с того ни с сего спросил Н.

– Ну да. А грешники – в ад.

– Ага... А поэты?

– Ну... они попадут в лонг-лист премии «Бронзовая лира России».

Некоторое время они шли задумавшись; сопровождавшая их в прогулке собака Собака нюхала пометы на углах и напрягала ум, пытаясь вспомнить название мультфильма «Все псы попадают в рай», но так и не вспомнила, потому что мультфильмов отродясь не смотрела.

* * *

День Рождества Иоанна Предтечи выдался жаркий. Батюшка вышел после отпуска и давания народу креста в церковный двор и переводил дух в тени, задрав при этом голову вверх и мечтательно глядя на колокольню.

– С праздником, отче! – сказал, подошед, Н., потом проследил, куда батюшка смотрит, и, уловив ход его мыслей, спросил: – День Иван Купала, обливай кого попало?

– Угу! – промычал батюшка и сказал, при том какие-то светлы промелькнули в глазах его: – А прикинь, в детстве бы – какие бы возможности!..

– А то! – согласился Н.

Батюшка вздохнул, оторвал наконец взор от колокольни, промелькнувшие было светы угасли, и он, степенно перекрестившись, зашел обратно в храм, служить благодарственный молебен.

* * *

– Ты в компе ничего не нажимала у меня? – крикнул Н. в сторону кухни.

Ностальжи, заскочившая к старому другу, однокласснику и сотаиннику на минутку, задержалась, чтоб сварить анахорету хотя бы магазинских пельменей, ибо совсем дошел.

- Нет! – крикнула она в комнату. – А что там?
- Да гугл-переводчик сегодня странный какой-то...
- А чего он?
- Да вот ввел в него старинный наш диссидентский стишок.
- И что?
- По-китайски выдает:

Лег я
Вечером в постель – прощай! —
И вот она здесь, прогнившая
демократия...

* * *

- На 23 февраля Ностальжи вручила Н. подарок.
- Что это? – спросил Н.
 - Разверни и увидишь! – сказала Ностальжи.
- Н. развернул золотистую, всю в сердечках и танках, упаковочную бумагу, раскрыл оказавшуюся внутри бумаги коробку, а из коробки вытащил оказавшийся внутри предмет.
- Что это?! – в некотором ужасе снова спросил Н.
 - Мамма мия, – скорчила гримасу Ностальжи. – Это машинка для стрижки волос в носу.
 - «Жизненные силы мужчины, исходя нечувствительно в сторону старости, качественно в нем по-прежнему, но теперь уже иным, невероятным образом; так волосы, покидая голову его, обильно всходят в ноздрах», – со вкусом процитировал Костя Иночкин. Свой подарок он уже получил.
 - Ну включи, включи! Что ты смотришь на нее, как я не знаю! Как Миклухо-Маклай на бусы!
- Н. нажал оранжевую кнопчку; машинка жужжала негромко и торжественно, как священный скарабей.
- Вообще-то, на бусы смотрел не Миклухо-Маклай. Он их дарил. А смотрели папуасы, – буркнул он, выключив машинку.
 - Вообще-то, Миклухо-Маклай, даря бусы, тоже смотрел на них, – резонно заметил Костя.
- И все, пришед на этом к согласию, поспешили за стол.

* * *

- Батюшка, мне тут сон приснился... Как думаете? – осторожно сказал Н. и покосился на батюшку – не фыркнет ли.
- Но тот ничего, макал в чай сушку, думал о чем-то своем, но слушал внимательно.
- Какой сон?
 - Как будто я Каин. И как будто хожу ночью по какому-то пустырю, и пытаюсь найти то место, где я строил жертвенник Господу, и не могу найти, там все заросло, и плачу, и пою при этом песню:

Там, где клен шумит
Над речной волной,
Говорили мы

О любви с Тобой.
Опустел тот клен,
В поле бродит мгла.
А любовь как сон
Стороной прошла.
Ни к чему теперь
За Тобой ходить.
Ни к чему теперь
Мне цветы дарить.
Я любви Твоей
Не сумел сберечь.
Поросло травой
Место наших встреч.

И вот я такой хожу и пою, и такая тоска... А Он такой тоже тоскует, и ради этой песни взял мне и печать на лоб поставил, чтоб меня кто-нибудь случайно не убил...

Батюшка стал вылавливать части размокшей сушки ложечкой.

– Ну, ты же знаешь, мы православные, мы в сны не верим. Мы в Бога верим.

– То есть совсем не верим в сны?..

– Ну как. Ну вот смотри: просыпаешься ты ночью, а над ухом комар зундит. Знакомая ситуация?

– Еще бы.

– Ну вот. Ты же в него не веришь, что от него там зависит твоя жизнь и все такое?

– Нет, конечно. Но...

– Но он, сволочь, все-таки реален. И очень убедителен.

* * *

– О чем думаешь? – спросила Ностальжи.

– О смерти, – ответил Н.

– Очень оригинально!.. – фыркнула Ностальжи, потянувшись к крану, приоткрыла, погасила окурки под стружкой воды – она так гасила окурки, а кухонные перекуры совершала тоже всегда одинаково: стояла, прислонившись лопатками к буфету, и ступню правой согнутой босой ноги уперев в голень левой – и другим уже тоном спросила снова: – А что думаешь?

– Думаю, что вот всегда люди представляли себе смерть живым существом, но она никогда не была живым существом, а сделал ее такой Христос.

– Как это?

– Ну, может быть, так: когда Его положили во гроб и задвинули камень, Он открыл глаза и увидел перед собой черное зеркало пустоты. Глухое, без отражений, эбонитовое зеркало. Он осторожно дохнул на него, зеркало запотело, и по серебристому туману Он пальцем нарисовал смерть. И она вышла оттуда, из черного, и стала жить.

– И какая она стала?

– Печальная, но не безутешно. Милая такая, в общем, девушка. Худенькая, ключицы торчат...

– Анорексичка, – снова фыркнула Ностальжи, но продолжала слушать как замороженная. Н. улыбнулся:

– Ну и вот. Из ничто, каким была, стала существом. И с тех пор кто-то ее боится, потому что не знает, а кто-то узнает и протягивает к ней руки, и она берет за руки, и успокаивает, и облегчает боль и невыносимое, и указывает дорогу, и ведет.

Ностальжи вздохнула и потянулась за новой сигаретой. Глухая ночь за окном постепенно стала перетекать в утро, а магнитофон негромко, все еще по-ночному, продолжал петь:

Мой друг художник и поэт
В осенний вечер на стекле
Мою любовь нарисовал,
Открыв мне чудо на земле...

* * *

Н. бегал от ноута и обратно по комнате и скрежетал зубами, а Костя Иночкин иронично поглядывал на него, развываясь на диване (полуторном; это тот самый диван, про который уж было сказано, что у него «мало половин»), курил, чесал за ухом кота Кузьму Скоробогатого и говорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.